раза грачей с темой смерти присутствует скрыто, но она получает свое явное выражение в позднем стихотворении «На кресле отвалясь, гляжу на потолок» (1890), где колеблющиеся тени от лампы вызывают у поэта, разбитого болезнями, погруженного в думы о приближающейся смерти, характерный круг ассоциаций:

Зари осенней след в мерцанье этом
есть:
Над кровлей, кажется, и садом,
Не в силах улететь и не решаясь
сесть,
Грачи кружатся темным стадом...

Следующие две строфы начинаются словами: *Нет, то не крыльев шум, то кони у крыльца!* и *Молчу, потерянный, на дальний путь глядя...*

В процитированном четверостишии мы находим хорошо знакомый нам образный ряд: вечер — осенняя заря — стая грачей. Примечательным также является употребление слова *мерцанье,* этимологически связанного со словом *мелькали* (оба эти слова восходят к *меркнуть: р* чередуется с *л, к* переходит в *ц*).

Стихотворение «Ласточки пропали» соотносится по смыслу еще с одним произведением поздней лирики Фета, в котором существительное *ласточки* выносится в заглавие, тогда как в анализируемом тексте оно является лишь частью первой строки:

Ласточки

Природы праздный соглядатай,
Люблю, забывши всё кругом,
Следить за ласточкой стрельчатой
Над вечереющим прудом.

Вот понеслась и зачертила —
И страшно, чтобы гладь стекла
Стихией чуждой не схватила
Молниевидного крыла.

И снова то же дерзновенье
И та же темная струя, —
Не таково ли вдохновенье
И человеческого *я?*

Не так ли я, сосуд скудельный,
Дерзаю на запретный путь,
Стихии чуждой, запредельной,
Стремясь хоть каплю зачерпнуть?

1884

Как видим, в этом тексте ласточки выступают символом балансирования на грани жизни и смерти, причем вдохновенье, творческий поэтический порыв связывается с риском, запретным путем и дерзким вызовом Богу (показательно употребление здесь библеизма *сосуд скудельный,* т. е. сделанный из глины, праха); при этом смерть — «стихия чуждая и запредельная» — одновременно и страшит, и притягивает лирического героя.

Большое значение для анализа и интерпретации текста стихотворения «Ласточки пропали» имеют данные по семантике его метра. В стиховедении давно утвердилось мнение, согласно которому каждый размер имеет свой семантический ореол, связан с той или иной поэтической традицией и поэтому влечет за собой определенный круг тем и образов. Как уже отмечалось, стихотворение «Ласточки пропали» написано трехстопным хореем, а этот размер, как известно, получил распространение в русской поэзии после стихотворения Лермонтова «Горные вершины», которое, в свою очередь, повторяет по ритмическому рисунку первую строфу немецкого прототипа — стихотворения Гете «Ночная песнь странника». Ритмико-мелодическая организация стихотворения Фета сближает его скорее с текстом Гете, чем со стихотворением Лермонтова (заметим, что Гете был любимым поэтом Фета). Мотив пути, темы жизни и смерти, развиваемый в стихотворениях Лермонтова и Гете, получает исключительно своеобразное преломление у Фета.

Стихотворение Гете (в переводе) начинается словами *Над всеми вершинами полей* и заканчивается стихом *Отдохнешь ты тоже.* От *всех вершин* у Фета остается одна *гора,* над которой вместо *покоя — грачи.* У Гете идет речь о вечном покое, который ожидает человека в конце жизненного пути. У Фета, как уже отмечалось, грачи выступают в роли вестников смерти. Слова *Ласточки*